

Василий Иванович Сенкевич
г. Брест, Республика Беларусь

Педагогическая риторика в аспекте феноменологии и языковой логистики

В статье представлены теоретические основы педагогической риторики – ораторского искусства учителя, отличающегося от общего определения риторики как «науки убеждать». Рассматриваются логистические параметры и распространенные в общении этологические ситуации, инструментирующие достоверность и уникальность языка сущности, противопоставленного языку как системе знаков и средству коммуникативного взаимодействия. Доминирующий посыл статьи – необходимость вернуться к самой реальности и логистике ее воплощения в языке, инструментирующем смысл высказывания и вселяющем уверенность в говорящих. В статье реализуется антиномический путь познания всего подлинного через то, что им не является. Итоги статьи окажутся полезными в сфере инновационных технологий, разрабатываемых феноменологической лингвистикой. Статья адресована студентам, специалистам-филологам, преподавателям, а также всем, кому интересна стихия и насущные вопросы живого общения.

Ключевые слова: педагогическая риторика, уверенность, достоверность, феноменология, логистика.

Vasily Ivanovich Senkevich
Brest, Belarus

Pedagogical rhetoric in the aspect of phenomenology and linguistic logistics

The article presents the theoretical foundations of pedagogical rhetoric – the teacher’s oratory art which differs from the general definition of rhetoric as “the science of persuasion”. Logistic parameters and ethological situations common in communication are considered, which instrument the authenticity and uniqueness of language of essence, opposed to language as a system of signs and a means of communicative interaction. The dominant message of the article is the need to return to reality itself and the logistics of its embodiment in language, which instrument the meaning of statement and instills confidence in the speakers. The article realizes the antinomian path of cognition of the authentic through what is not authentic. The article conclusions will be useful in the sphere of innovative technologies developed by phenomenological linguistics. The article is addressed to students, philologists, teachers, as well as to all those who are interested in the elements and urgent issues of live communication.

Keywords: pedagogical rhetoric, confidence, authenticity, phenomenology, logistics.

Введение. Риторика обычно определяется как наука, основной целью которой является убеждение и доказательство. В отечественной и зарубежной литературе бытует традиционная точка зрения на предмет и задачи этой дисциплины. Однако функция убеждения, будучи одной из главных в дискурсивной (рассудочной) речи, не является таковой в повседневности – в «поточном» языке. В связи с этим возникает актуальная проблема исследования риторического аспекта общения, в котором находятся фигуранты, не связанные отношениями подчинения, а воспринимающие себя по принципу «послушания» («выше – ниже», «говорящий – слушающий»). Таковыми оказываются ученик и учитель, а в высшей школе – преподаватель и студент. Инновационный характер отмеченного «тандема» не игнорирует примат феноменологии восприятия в чувственно-опытном познании мира.

Понятие риторики традиционно связано с намерением воздействовать – аргументировано убеждать и тем самым побуждать к действию. С точки зрения прагматики, «убедить» и «доказать» означает, в первую очередь, приобрести союзника, разделяющего позицию партнера по коммуникации. Практически невозможно себе представить субъекта речи, которому подобная конструктивно-утилитарная установка была бы безразлична. Однако кроме воздействия есть еще аспект влияния. Учитель и ученик не партнеры по

коммуникации и не конкуренты, а напарники – успех одного обусловлен успехом другого. Практическая значимость взаимодействия здесь уступает место успешному опыту совместного преодоления трудностей.

Цель статьи – представить антиномический подход к педагогической риторике и рассмотреть эту дисциплину не как мастерство происходящей речевой деятельности, а в свете искусства слова и проходящего состояния вербального творчества.

Исследовательская часть

В обыденности не часто поднимаются актуальные проблемы, однако повсеместно, постоянно и незамедлительно решаются насущные жизненные вопросы. Вряд ли здесь возникает также надобность кому-нибудь что-то доказывать, аргументировать, подтверждать фактически, т.е. что-нибудь утверждать и кого-то в чем-то убеждать. Скорее, в этой реальности («жизненном мире» – А. Шюц) [14; 15] возникает необходимость вселять уверенность, поддерживать, высказывать мнение и сомневаться в достоверности чего-либо. Это не мир «равных возможностей», а сфера вероятности. Здесь не столько важно существовать и сделать правильный выбор, сколько удостовериться и принять верное решение.

Не связанные с выгодой насущные («больные») вопросы в самой реальности разрешаются в чью-либо пользу. В повседневном общении акцентируется фигура цивилизованного

пользователя. В обремененной культурой знаковой личности необходимости как-то не возникает. Обходительный и отвечающий за все пользователь не является персонально ответственным носителем и производителем. У него отсутствует отягощающая культурно-историческая «ноша» в виде информации (*носитель информации*), знаний (*носитель знаний*), идеологии (*носитель идей*), культурных традиций (*носитель культуры*) и т.п. Однако, ничего, по сути, не имея, он не может избавиться от неодолимой пассионарной жажды познания и обладания.

Парадоксально оказывается, что только неимение есть путь к состоянию обладания (власти): «*Nihil habentes et omnia possidentes*» («Мы ничего не имеем, зато всем обладаем» – 2-е послание к коринфянам, 6,10) [7, с. 388] Состояние владения, по сути, исключает волеизъявление (делание): – *500 миллионов звезд? Что же ты с ними со всеми делаешь? – 502 миллиона 622 тысячи 731. Я человек серьезный, я люблю точность. – Что же ты делаешь со всеми этими звездами? – Что делаю? – Да. – Ничего не делаю. Я ими владею* (А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц»). Выражение «иметь власть» спекулятивное; власть не имеют – властью обладают. Власть также не изменяется, а меняется; не имеет причины, однако не обходится без источника.

Есть мнение (А.А. Потебня, В. фон Гумбольдт и др.), что человеческий язык исконно не связан с производственной деятельностью и коммуникацией – передачей сообщения (информации) от одного потребителя к другому [8; 2]. В своем исходном состоянии подлинный язык не является дискурсивно организованным и системно упорядоченным. Этот язык гармонически устроен и в своей целостности выступает неизменным воплощением неотъемлемых от человека интенциональных состояний его сознания. В «недеятельном» вербально воплощенном (вербализованном) состоянии и заключается все его величие и презентативность. Феномен свободы оказывается недоступным деятельности, в том числе и речевой. Нет «свободы дела», однако привычно звучит сочетание «свобода слова».

Обо всем, что чего-то стоит, однако по сути своей бесценно, не рассуждают, а, размышляют – говорят и пишут. (У.М. Ломоносова – «*Утреннее размышление о Божием величестве*». «*Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния*»). Инструментирующее мышление язык коммуникативно не сказывает – не показывает – не дает видеть и не создает «картину мира». Этот язык «вещает» (говорит) и выступает сугубо человеческим атрибутом *Homo loquens* – человека говорящего. «Вещный» язык реально используется в состоянии непосредственного познания

(знакомства) с самой реальностью. Категория личности и позиционирования (Я – Ты) сменяется здесь архетипом самости (*Сам – Другой*), а присущий личности эгоизм – нарциссизмом (самовлюбленностью) и, случается, манией величия. В недискурсивном языке акцентируется успех и отмечается эффективность известного предприятия, а деловая удача и ожидаемая результативность оказываются не столь важными.

Известно высказывание: «*Мы говорим с вами (с тобой) на разных языках*». (Интенция здесь – «досадно, что у нас не получается договориться», т.е. достигнуть консенсуса). Напрашивается вопрос: «*На каких это «разных» языках? На русском, немецком, английском, польском и т.д.?*». Оказывается, нет. Существуют языки, различающиеся дифференциальными признаками, уровнем системной организации и функциональной развитости, однако есть разные языки. По сути своей они другие, но не по порядку, а в принципе (совершенно). Эти языки различаются своими характерными чертами, степенью совершенства, масштабами локального либо глобального распространения.

Возникает антиномия языков *эмических* и *этических* (англ. *etic* vs. *etic*). Различаются («правильные») языки «дела Закона» (ап. Павел). Им противопоставляются языки Слова, подходящие для воплощения *состояния* благодати. Первые являются дискурсивными, т.е. рассудочно опосредованными. Язык состояния не средство, а инструмент воплощения интенционального состояния сознания говорящих – возвышенного (идеального) и земного (грешного). Эмический план, предполагающий системное общее (тождественное) и различное (специфическое), совершенно не сравним с этическим аспектом, предусматривающим одинаковое (абсолютное) и разное. То, что определяется эмически, свойственно личности, интегрированной в определенную культурно-историческую действительность. Фактически любое культурное явление и событие может быть проанализировано с эмической (системной) точки зрения.

Язык в версии Ф. де Соссюра основывается на различии: «в языке нет ничего кроме различий» [11, с. 73]. Культурное различие проявляется в происходящей деятельности (*дело культуры, деятели культуры, правовая культура*). Цивилизация обычно отождествляется с культурой; слова «культура» и «цивилизация» употребляются синонимически. Считается, что культура по отношению к цивилизации является частным понятием. Утверждается, что цивилизация более универсальная категория и имеет определенную специфику по отношению к различным нациям и разным народностям [5]. Подобное утверждение неправомерное. Цивилизация – принципиально не то, что культура. Уместно говорить об антиномии –

«культура (vs цивилизация)». Сущность цивилизации становится доступной на пути апофатического познания – противопоставления ее тому, чем она не является, т.е. культуре. Этот подход оправдывает себя при анализе культурных проявлений в языке и описании языковых феноменов, рассматриваемых в аспекте цивилизации.

Цивилизованность не проявляется в деятельности, но обнаруживается в (не) вербальном поведении (Ср.: «Что делать?», однако: «Как себя вести?»). В любой деятельности возможны ошибки, поведению же сопутствуют заблуждения. Цивилизованный человек предпочитает не выбирать, а искать. Результатом выбора должно быть лучшее, итогом поиска становится превосходное (селективное) [10, с. 117]. Культура речи противопоставляется вербальному цивилизованному поведению.

Отмечаемая разница в говорении на одном языке выступает решающим условием цивилизованности. Варвару без разницы характер осуществления чего-либо – как и где, с кем и когда и т. п. Элементы возвышенной цивилизованности замечаются и в животном царстве. Конь известен тем, что из *абы* какого ведра пить не станет. Этический подход не затрагивает область культурных различий. Это не обращенное избирательное внимание, а непосредственный («живой») взгляд человека, отмечающего и описывающего все характерное (аутентичное, «свое»), не забывая о дисгармоничном – случайном (постороннем, «чужом»).

Эмическими по природе являются понятия «система», «проблема», «единица», «различительный признак» т.д. Этический аспект – это «гармония», «вопрос», «элемент» (звук, слово), «высказывание», «характерная черта» и др. Суффикс *эма* (англ. *ете*), выделяется из состава таких терминов, как *фонема*, *морфема*, *лексема*, *семема*, *семантема* и т.п. со значением «структурный элемент, тип, структурная единица языка» [1, с. 528].

Эмический план, предполагающий системное общее (тождественное) и различное (специфическое), совершенно не сравним с этическим аспектом, предусматривающим одинаковое (абсолютное) и разное. То, что определяется эмически, свойственно личности, интегрированной в определенную культурно-историческую действительность. Фактически любое культурное явление и событие может быть проанализировано с эмической (системной) точки зрения. Эмический язык является системой, противопоставленной этическому языку-гармонии. В одном языке видятся отношения соответствия – тождество (идентификация) и различие (дифференциация). В другом – замечается реальное совпадение (абсолютное) и сходство (близкое).

Различие существует, а разница *есть* «для кого» («А *есть* ли разница?..» – разг.). В этом «для кого-есть» заключается феноменальность всего насущного. Феномен – сущность; феноменология – «учение о сущности» (Мерло-Понти М.). Различие порождает идею системного единства, значение и значимость (Ф. де Соссюр). Разница не имеет отношения к системному единству, однако замечается в аспекте гармонической сплоченности (целостности). Язык, пользуясь которым, не ставят цель видеть различие и идентифицировать, а замечают разницу, *есть язык сущности* (М. Хайдеггер); существование (vs сущность); *existentia* (vs *essentia*). В этом языке идентификация уступает место аутентификации, а потребность различать – необходимости распознавать.

Сущность парадоксальна – не существует как объективная данность, однако непосредственно *есть для кого*. «Несуществующие сущности» (Э. Гуссерль) – феномены. Так, Бог в пантеистическом (языческом) восприятии не существует, однако *есть несомненной сущностью для признающих его*. Материалистам непонятен сам парадокс «есть все, чего нет»: *Стало быть, тот бог есть же, по-вашему? – Его нет, но он есть. В камне боли нет, но в страхе от камня есть боль. Бог есть боль страха смерти* (Ф.М. Достоевский «Старцы»).

Можно говорить на одном языке и при этом чувствовать разницу своего языка и языка собеседника. «Разное» замечается в аспекте (дис)гармонического целого и не имеет никакого отношения к системно-собирательному общему. Феноменальный статус «разницы» ориентирован на интенциональную сферу сознания (*есть «для кого»-разница*): *...но ведь для тебя большой разницы нет, правда?* (А. Веселова). Рознь (ср.: *не чета*), в отличие от вражды, не определяется как системное несоответствие, а распознается в ситуации реального несовпадения (несходство).

Несомненно, каждый пользователь владеет «своим» языком – похожим на язык другого человека, однако аутентичным настолько, что по нему без труда распознается его автор. Оправдано говорить о языковом «полиавторстве» – сколько *есть* говорящих, столько *есть* и языков. В сущность, ни один человек дважды не говорил на одном и том же языке. И не обязательно при этом быть поэтом или писателем (*язык Пушкина, Язык Гоголя* и др.). Мы здесь встречаемся с феноменом *идиолекта* и языкового творчества – словесным искусством.

Говорить – не действие (акт), а осуществляющееся «по ходу» вербализации мыслей логистическое состояние человека. Известно, что слово не дело (*Слово к делу не пришьешь* – посл.). Абсолютно неоправданно представлять поступательно проходящее в каком-то режиме состояние последовательно

происходящим событием, в котором функционирует язык как знаковая система. Такой «язык вообще» (напр., русский, польский, белорусский и т.д.) является лишь научной фикцией, лишенной атрибутики всего живого. В языке как системе с достаточной полнотой и обстоятельностью отражается данная объективно и определяемая субъективно действительность, однако он далек от ситуативных и постоянно переменчивых зон живого общения. Не секрет, что только в этих «зонах» – в серии жизненных ситуаций, «спрессованных в века», – прецедентно оказывается каждый, говорящий на характерном только для него уникальном языке.

Оправдано говорить о существовании в риторике двух направлений (или противопоставлении двух риторик). Первое – дискурсивное (дискурсивная риторика). Термин «дискурс» употребляется как кодовый концепт по отношению к понятиям «речь», «информация», «диалог», «знание», «дискуссия» и т.д. Как считает Т. А. Ван Дейк, «в общем плане дискурс является коммуникативным событием, происходящим между партнерами по коммуникации в процессе коммуникативного действия в определенном временном и пространственном контексте» [4, с. 204]. Более специфически «дискурс» понимается и как результат (произведение) коммуникативного действия. Дискурс является результативной речью (речевой деятельностью), определяемой рядом социокультурных обстоятельств, от которых зависит процесс коммуникации.

Что касается педагогической риторики, то, думается, ее статус, сущность и характер не связаны с дискурсивной ролью и культурной деятельностью носителя языка, а обусловлены состоянием творческого использования слова говорящим. Показательно, что на протяжении истории риторики не однозначно определялся ее предмет и задачи, ср.: «РИТОРИКА (гр. *ῥητορικῆ* – риторика, ораторское искусство). 1. Наука о построении убеждающей речи, а также наука о том, как воспринимать убеждающую речь. 2. Само искусство речи» [12, с. 234]. Думается, выражение «искусство речи» нельзя признать оправданным. Речь не искусство слова, а активная деятельность («дело»). Деятельность предполагает не талант творческого исполнения, а мастерство. Вряд ли корректно звучит выражение «мастер слова». Логос (слово) принадлежит словесному искусству, а не деятельному ремеслу.

Имеет ли педагогическая риторика дискурсивную природу? Направлена ли она на объективный мир и существует, чтобы лично убедиться и убедить остальных в чем-нибудь? Или же педагогическая риторика ориентирована на сознание пользователя языком и его феномены?

Цель дискурсивной риторики предполагает формирование коммуникативных знаний, умений и навыков. Однако кроме процесса формирования чего-либо, есть сфера, где все осуществляется и становится «по ходу». Более того, «[...] вся беда в том, что человек, во всяком случае массовый человек, с легкостью преодолевает [...] необходимость в знаниях. Такой необходимости и вовсе нет. Есть необходимость осознать что-то, а для этого знаний не надо. Гипотеза о боге, например, посылает ни с чем несравнимый шанс абсолютно все осознать и распознать, абсолютно ничего не зная и не различая...» (А. Стругацкий, Б. Стругацкий «Пикник на обочине»).

«Ученое незнание» (Н. Кузанский) – сфера логоса. Логос – ключ к глубинам человеческой мудрости, воплощенной в искусстве слова; дискурс – код, открывающий сокровищницу мировой культуры. Применительно к языку антиномия логоса и дискурса предстает как искусство слова и культура речи. Риторика как «наука убеждать» противопоставляется ораторскому искусству. В глобальном смысле дискурсивно-логистическая антиномия осмысливается как противопоставление «логии» (слова) и «ургии» – дела (греч. *εργο*, *-εργια*; *ergasis*; *ergon* – *действие*), *сущности (essentia)* и *существования (existentia)*.

Природа дискурса рационально-рассудочная. Сущность логоса, наоборот, – всецело интуитивная. «Мы видим, какой бездной разделены *ratio* и *λόγος*. Их можно только противопоставлять» [13, с. 3]. Логос – это отдаление от существующих рациональных схем и возвращение к самой живой реальности; «λόγος есть лозунг, зовущий философию от схоластики и отвлеченности вернуться к жизни и, не насилая жизнь схемами, наоборот, внимая ей, стать вдохновенной и чуткой истолковательницей ее божественного смысла, ее скрытой радости, ее глубоких задач» [13, с. 3].

Многие существующие ошибки объясняются смешиванием деятельной дискурсивности и состоятельной словесности. Дискурс знает единое и раздельное, однако воссоздать и сберечь неразрывное целое под силу только интуиции. Последняя спонтанно обнаруживается в созерцательном разуме и восприимчивости чувств, стремящихся постичь сущность всего непосредственно – без аналитических (рас)суждений. О реальности и творческой продуктивности интуиции со всей очевидностью говорит недискурсивный способ познания – искусство.

Социальная роль и статус риторики определяется и характеризуется языком, с каким эта дисциплина связана, – 1) с дискурсивным языком знания и рассуждения или 2) с логистическим языком познания и размышления; дискурс (*vs* логос). В процессе дискурса знания передаются, а в ходе познания, не исключая и

самопознание, человек перенимает опыт других, присутствуя и ориентируясь в разных режимах общения.

В опыте познания ничего не свидетельствуется, однако очевидно и бездоказательно присутствует в эйдосе феноменологической «несуществующей сущности» (Э. Гуссерль). При феноменологическом подходе мир, который «не есть, а существует» (М. Мамардашвили) [6], «выносится за скобки»; действительность (*vs* реальность). Познающий человек непосредственно соприкасается только со всем, что присутствует, выступая живым и непосредственным опытом – «переживанием восприятия» (Э. Гуссерль).

Исконно человеческий язык ориентирован не на системное единство людей, а на целостность конкретного человека (*Живи і цільнасці шукай...* М. Багдановіч). Очевидно, что изучать язык без учета его антиномичности (как средства отражения действительности и как инструмента воплощения сознания) непродуктивно и абсолютно неоправданно. Аналогией здесь становится пример с яблоней Э. Гуссерля. «Предположим, – пишет ученый, – что мы с удовольствием смотрим в саду на цветущую яблоню, на свежую зелень травы и т. д. Очевидно, что восприятие и сопровождающее его удовольствие не есть то же самое, что воспринимаемое – яблоня сама по себе» [3, с. 283]. По сути, мы имеем яблоню как отраженный предмет (явление) материальной действительности и *другую* яблоню – ее рецептивное переживание. Несомненно, для человека первичным оказывается все, что неотразимо принадлежит его рецепции и присутствует в сознании, а не то, что существует в действительности само по себе. «Не то» воспринимается как «другое».

Антиномический подход сводится к тому, что сущность (феномен) определить логически нельзя, однако, чтобы она стала доступной, необходимо решительно отбросить то, что ею не является. Отсюда антиномии: воля (*vs* свобода), речевая деятельность (*vs* вербальное поведение), акт (*vs* поступок), изменения (*vs* перемены), демонстрация (*vs* манифестация), родное (*vs* близкое), выражение (*vs* слово) и др.

Учитель – не должность, не социальная роль и не функция, а статус (состояние) и звание человека. Этот статус не имеет отношения к спецификации и универсализации. В глобальном и локальном смысле учителем выступает каждый, у кого есть чему поучиться. По сути, учитель не деятель в области образования и культуры, а цивилизованный человек, служащий в сфере просвещения, обучающий грамотному пользованию ближайшими ресурсами и благоприятствующий состоятельности своих учеников. Спецификация в этой «званной» сфере

уступает место «отмечанию» (пол. *wyróżnienie*) званием (напр., «Заслуженный учитель»).

Общение есть величайшее благо и роскошь сознательного человека. Манифестация сознания *Homo loquens* (Человека говорящего) проходит в режиме его присутствия, непосредственного восприятия и осмысления им реальности. Логистический параметр риторики приближает язык к самой жизни. Этот ориентир характеризуется непревзойденным искусством встраиваться в человеческое сознание и управлять им с помощью слова.

Истоки педагогического общения присутствуют в мифологическом сознании говорящих. Это сознание оказывается совершенно непосредственным, наивным и общедоступным. Благодаря ему разделенное и разобранное науками восприятие обретает цельность и завершенность. В нем есть абсолютно все и нет рациональной отделенности каждой области знаний друг от друга. Мир совпадений противопоставляется институциональному миру соответствий (правил, обычаев, законов), свойственных культуре. Общение во всех своих форматах принадлежит не носителю языка, а его пользователю и выступает распознаванием степени цивилизованности последнего и его власти. В общении, как и в мифологическом сознании, ничего не дано само по себе. Здесь есть мифичный путь изображения вещи («что для меня?»), а не способ представления предметов (явлений) как объективно данных.

Сущность каждого человека обнаруживается в живом слове. Человек не стал бы человеком – царем в животном мире, – если бы не обладал уникальным талантом говорить непрестанно, всеохватно и обо всем. Человеческий язык – это его несравненный ни с чем дар и постоянная инициация (испытание), благодаря которому он заслужил звание Человека. Язык есть первый опыт творчества в жизни, ориентируясь на который, каждый в состоянии с успехом использовать его в других своих жизненных предприятиях.

Древнегреческий философ и софист Протагор уверял, что только человек есть мера всех вещей и высшая инстанция во всех ситуациях поведения [9]. Слово «логистика» воспринимается в русском языке как неотъемлемый элемент предпринимательства – получения прибыли. Знаменательно, что заимствованное из греческого языка это слово воспринималось еще и «философией процветания». Ключевые слова логистической сферы – «приемлемые условия», «услуги», «продвижение», «(не) разрешимые преграды в пути», «логистическая цепочка», «звенья», «источники», «управление потоками», «решение сопутствующих вопросов», «эффективность», «прогнозирование», «успешность», «нахождение

решения», «доставка», «пунктуальность», «прогнозирование» и др.

Суть логистики заключается в поиске путей продвижения продукта по цепочке от производителя к получателю. В лингвистической логистике продукт – слово. Получатель есть адресат, к которому доходит что-то посланное. Расстояние «от ... и до ...» – путь логистической доставки, включая все, что ему сопутствует. Актуальный выбор сменяется здесь поиском адекватного решения, ряд – линией, удача – успехом и т. д. Познаваемое не представляется рядоположенно и событийно, а воспринимается линейно – как звено одной цепи. Логистические звенья не связаны воедино, а сцеплены в одно целое.

Чрезвычайно важным для логистики словом «поток» описывается не деятельность, а состояние («поточное состояние»). Оно оказывается разным по своей агрегатности и подвержено переменам (не изменениям!) – проходит с переменным успехом. Логистическое состояние не присутствует в мире возможности. Для него реальна вероятность. В отличие от действия (акта) это состояние не происходит последовательно, а проходит (осуществляется) поступательно, т. е. эволюционно и бесследно. На него распространяются все логистические параметры: восприимчивость, переменчивость, обусловленность, вероятность, поступательность, дискретность (прерывность), успешность, динамичность, настроенность и др. В силу этого оправдано говорить о логистике слова и рассматривать его этологически. Слово – не деятельность, а вербальное поведение говорящего. Термином *этология* (от греч. *ethos* – привычка, характер, душевный склад, манера вести себя и *logos* – учение) обозначается дисциплина, изучающая поведение всего живого, не исключая и самого человека. В XVIII в. этология была равнозначна этике. В 1843 г. Дж. Миль назвал этологией предложенный им раздел психологии, изучающий человеческий характер.

Логистическая ориентация педагогической риторики не вызывает сомнения. В сфере риторико-педагогического обучения релевантным оказывается лингвоэтология. Эта дисциплина исходит из представлений, выработанных в ходе знакомства с поведением в животном мире, и находится в тесной связи с гуманитарными

дисциплинами – прежде всего, с психологией, языкознанием и литературоведением. Этологический подход в языкознании обнаруживает, с нашей точки зрения, чрезвычайно важный и на сегодняшний день почти нетронутый слой языка – воплощение в нем этоса человеческого общения.

Логистический подход к изучению языка еще называется «от обратного» и представляет собой феноменологический путь постижения сущности всего очевидного. В других сферах познания его именуют «антиномическим» (философия), «апофатическим» (теология). Выведение познаваемого из сферы явлений и позитивных определений («заключение его в скобки») благоприятствует проникновению в сущность вещей. Все, что есть (*essentia*), противопоставляется остальному – существующему (*existentia*). На пути подобной «феноменологической редукции» (Э. Гуссерль) обнаруживается все, что не существует как явление и не бывает предметом. Однако вопреки рациональным определениям оно есть и со всей очевидностью присутствует в восприятии [3, с. 15–31].

Заключение. Педагогическая риторика, в отличие от риторики дискурсивной («науки убеждать»), принадлежит к сфере воплощения состояния логоса – «живого слова живого человека» (М. Бахтин). Логистические параметры этой дисциплины обнаруживаются не в определенных положениях и актах субъекта речи, а в этологических ситуациях, где оказывается Человек говорящий и которые разрешаются в чью-то пользу. В общении ситуативно инструментируется уверенность говорящих и достоверность всего, на что ориентированы интенции их сознания. Сфера и доля вероятности здесь составляет антитезу миру «равных возможностей». Слово трактуется неакционально – не как причастное к жизни, а неотъемлемое состояние самой жизни. Антиномический (апофатический) подход к риторике и рассмотрение этой дисциплины в свете искусства слова и реализации состояния творчества намечает совершенно неисследованную сферу (не) вербального логистического поведения человека, которая противопоставлена дискурсивной речевой деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов: лингвостилистика, синтаксис, морфология, фономорфология, фонетика, лексикология : около 7000 терминов / О.С. Ахманова. – Изд. 5-е. – Москва : Либроком : URSS, 2009. – 569 с. – Текст : непосредственный.
2. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт ; пер. с нем. яз., под ред. и с предисл. Г. В. Рамишвили. – 2-е изд. – Москва : Прогресс, 2000. – 396 с. – Текст : непосредственный.
3. Гуссерль, Э. Логические исследования. Т. 2, ч. 1. Исследования по феноменологии и теории познания / Э. Гуссерль ; пер. с нем. В.И. Молчанова. – Москва : Акад. проект, 2011. – 565 с. – Текст : непосредственный.

4. Дейк, Тён ван. Язык. Познание. Коммуникация / Тёр ван Дейк ; пер. с англ., под ред. В.И. Герасимова ; сост. В.В. Петрова ; вступ. ст. Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова. – Изд. 2-е. – Москва : ЛЕНАНД, 2014. – 309 с. – Текст : непосредственный.
5. Культура и цивилизация, их взаимосвязь. – URL: https://historicus.media/kultura_i_tsivilizatsiya_ih_vzaimosvyaz/ (дата обращения: 17.11.2023). – Текст : электронный.
6. Мамардашвили, М.К. Психологическая топология пути: М. Пруст «В поисках утраченного времени» : лекции / Мераб Мамардашвили. – Санкт-Петербург : Изд-во Рус. христиан. гуманит. ин-та ; Журн. «Нева», 1997. – 568 с. – Текст : непосредственный.
7. Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия культуры : сборник / Хосе Ортега-и-Гассет ; вступ. ст. Г.М. Фридендера. – Москва : Искусство, 1991. – 586 с. – Текст : непосредственный.
8. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Киев : Синто, 1993. – 189 с. – Текст : непосредственный.
9. Протагор цитаты. – URL: <https://ru.citay.net/avtory/protagor/> (дата обращения: 03.12.2023). – Текст электронный.
10. Сенкевич, В.И. Феноменологическая лингвистика. Этические начала и принципы языка / В.И. Сенкевич. – Седльце : W-wo Nauk. Un-tu Przyrodniczo-Humanistycznego, 2020. – 369 с. – Текст : непосредственный.
11. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Фердинанд де Соссюр ; коммент. Туллио де Мауро. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 425 с. – Текст : непосредственный.
12. Хазагеров, Г.Г. Риторический словарь / Г.Г. Хазагеров. – Изд. 2-е, стер. – Москва : Флинта, 2011. – 431 с. – Текст : непосредственный.
13. Эрн, В.Ф. Борьба за логос / В.Ф. Эрн ; Скворода, Г. Жизнь и учение / Г. Скворода. – Минск : Харвест ; Москва : АСТ, 2000. – 589 с. – Текст : непосредственный.
14. Schütz, A. Strukturen der Lebenswelt / Alfred Schütz, Thomas Luckmann. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1975. – Bd. 1. – 396 S. – Text : direkt.
15. Schütz, A. Strukturen der Lebenswelt / Alfred Schütz, Thomas Luckmann. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1984. – Bd. 2. – 413 S. – Text : direkt.

REFERENCES

1. Ahmanova, O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov: lingvistika, sintaksis, morfologija, fonomorfologija, fonetika, leksikologija: okolo 7000 terminov [Dictionary of linguistic terms: linguistics, syntax, morphology, phonomorphology, phonetics, lexicology]. Moskva: Librokom: URSS, 2009. 569 p.
2. Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po jazykoznaniju [Selected works on linguistics]. Ramishvili G.V. (ed.). Moscow: Progress, 2000. 396 p.
3. Gusserl' Je. Logicheskie issledovanija. T. 2, ch. 1. Issledovanija po fenomenologii i teorii poznanija [Logical research. Vol. 2, part 1. Research on phenomenology and theory of cognition]. In V.I. Molchanova (ed.). Moscow: Akad. proekt, 2011. 565 p.
4. Dejk Tjon van. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija [Language. Cognition. Communication]. V.I. Gerasimova (eds.). Moscow: LENAND, 2014. 309 p.
5. Kul'tura i civilizacija, ih vzaimosvjaz' [Culture and civilization, their interrelation]. URL: https://historicus.media/kultura_i_tsivilizatsiya_ih_vzaimosvyaz/ (Accessed 17.11.2023).
6. Mamardashvili M.K. Psihologicheskaja topologija puti: M. Prust «V poiskah utrachennogo vremeni»: lekcii [Psychological topology of the path: M. Proust "In search of lost time"]. Sankt-Peterburg: Izd-vo Rus. hristian. гуманит. in-ta; Zhurn. «Neva», 1997. 568 p.
7. Ortega-i-Gasset H. Jestetika. Filosofija kul'tury: sbornik [Aesthetics. Philosophy of culture]. G.M. Fridlendera (ed.). Moscow: Iskustvo, 1991. 586 s.
8. Potebnja A.A. Mysl' i jazyk [Thought and language]. Kiev: Sinto, 1993. 189 p.
9. Protagor citaty [Protagoras quotes]. URL: <https://ru.citay.net/avtory/protagor/> (Accessed 03.12.2023).
10. Senkevich V.I. Fenomenologicheskaja lingvistika. Jetcheskie nachala i principy jazyka [Phenomenological linguistics. Ethical principles and principles of language]. Sedl'ce: W-wo Nauk. Un-tu Przyrodniczo-Humanistycznego, 2020. 369 p.
11. Sossjur, F. de. Kurs obshhej lingvistiki [General Linguistics course]. Tullio de Mauro (ed.) Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1999. 425 p.
12. Hazagerov G.G. Ritoricheskij slovar' [Rhetorical Dictionary]. Moscow: Flinta, 2011. 431 p.
13. Jern V.F. Bor'ba za logos [Fight for the logos]; Skovoroda G. Zhizn' i uchenie [Life and Teaching]. Minsk: Harvest; Moskva: AST, 2000. 589 p.
14. Schütz A., Luckmann T. Strukturen der Lebenswelt. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1975. Bd. 1. 396 S.
15. Schütz A., Luckmann T. Strukturen der Lebenswelt. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984. Bd. 2. 413 S.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

В.И. Сенкевич, доктор филологических наук, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин и методик их преподавания, УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина», г. Брест, Республика Беларусь, e-mail: sienkiewiczw@tut.by.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

V.I. Siankevich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of General Education Subjects and Methods of Teaching, Brest State University named after A.S. Pushkin, Brest, Republic of Belarus, e-mail: sienkiewiczw@tut.by.